

Посвящается Бев

Глава I

Собака выла уже минут двадцать, и Хэл наконец вскарабкался на забор с задней стороны двора, решив глянуть, в чем тут дело. Он балансировал на перекладине ограды, всматриваясь в пастбища у холмов, и проторчал на заборе одиннадцать минут сорок секунд. Время он засек, посмотрев на старые часы, которые вчера взял у отца. Ноги задрожали от напряжения, еще минута — и заноют мышцы.

Хэл прищурил глаза, но собаку так и не увидел. Изпод облаков спикировала огромная птица — наверное, орел. За ней увязались три или четыре вороны, закаркали что есть мочи. Орел тотчас оторвался от преследователей, взмыл вверх и растворился в пронзительной синеве.

Со двора миссис Соседний Дом раздался крик:

— Паршивые птицы! А ну пошли! Прочь!

Скорей бы заткнулась. Он ничего не имел против старой миссис Армстронг, но сейчас прислушивался — не раздастся ли вой еще раз. И он прозвучал вновь — издалека, из-за пастбищ. Собака то выла, то визжала, однако звуки становились все слабее, а потом и вовсе наступила тишина, будто несчастный пес совсем обессилел. Может, выл просто от скуки? Хэл и сам бы завыл — такая тоска брала в их новом голубом доме, в этом дворе. Паршивый городишко, недаром мама его так ненавидит.

Она будто услышала мысли Хэла: скрипнула внешняя дверь с сеткой.

— Мальчики, быстренько домой! Одевайтесь, мы торопимся.

— Сейчас, мама!

Она вздохнула, словно даже минуту не могла выдержать под раскаленным солнцем, и вернулась в дом, захлопнув обе двери. Похоже, рассчитывала, что жара послушно останется за порогом.

Хэл снова влез на забор, обратился в слух. Собака молчала. Миссис Армстронг прекратила проклинать ворон, скрылась в доме. Затих даже стрекот цикад. На пастбища и на дом опустилась мертвая тишина.

На ограду взлетел Эван, пристроился рядом.

— Пойдем посмотрим, Хэл? Сам же говорил...

— Говорил, только нам некогда.

— Прямо уж некогда! Времени навалом!

Хэл бросил взгляд на дом. Часок у них, наверное, все-таки был.

— Ладно, пошли.

— Прямо сейчас?

— Только по-быстрому, Эван.

Медлить действительно было никак нельзя — еще нужно умыться, одеться, причесаться, а к двенадцати уже стоять у машины. К полудню, минута в минуту, они с Эваном должны быть готовы. Стоит лишь чуть опоздать, и они жестоко поплатятся — у папы сегодня важное событие. Они ехали на пикник, где соберутся люди с папиной работы и босс, которому папа весь день будет смотреть в рот. Семья точно к коронации королевы готовилась, а ведь это всего лишь рождественская вечеринка компании «Прайм фудс». Впрочем, будут на празднике и ребята из новой школы. Плюс Санта-Клаус с подарками — наверняка какая-нибудь ерунда, но все равно не стоит упускать шанс повеселиться.

— Маме с папой скажем? — Эван покосил-
ся в сторону дома, сверкавшего всеми оттенками голу-
бизны под безоблачным небом.

— Шутишь, что ли?

Братья дружно спрыгнули на землю.

Почти полмили они продирались сквозь заросли коричневого паспалума и сухого чертополоха. Наконец раскрасневшийся Хэл остановился, тяжело дыша. Эван шуршал травой где-то позади, его голос тонул в пении цикад. Хэл отвел в сторону шипы колючей проволоки, проскользнул сквозь дырку в ржавой ограде и очутился на просторе. Поля расстилались до багровевших вдали гор. Если приблизиться, они меняли цвет, становились тусклыми, коричневато-зелеными, совсем не такими крутыми, как казались из окна дома. А если подойти еще ближе, холмы напоминали просто зыбь в мутном пруду. По склонам кое-где были раскиданы редкие купы засыхающих эвкалиптов со спутанными ветвями. В пятидесяти ярдах за забором поднималась рощица низкорослых ив, разделяя пустошь на две части.

— Разлом мира, — громко произнес Хэл и сам не понял, откуда это взял. Он махнул брату, который кричал что-то позади, и зашагал дальше.

Разлом мира его разочаровал: просто глубокая грязная промоина в овраге, проходившем посреди поросли худосочных кустиков. Акров двадцать-тридцать, прикинул Хэл. Овраг потихоньку рос, стремился вырваться из цепких лап городка. Дорожный знак на шоссе заявлял: «Мурабул, население 3560 человек». Хэл не представлял себе, где прячутся эти три с половиной тысячи. На Мейн-стрит в разгар субботы можно было встретить человек десять. Нет, пабы были забиты под завязку, нечего сказать, а здесь, на окраинах, проползет по улочке с не-

большими домиками малолитражка и исчезнет в жарком мареве. Вот и все движение. Еще мухи гудят.

Хэл просунул голову между ветвями, глянул на грязно-коричневый склон оврага. По дну бежал мутный ручеек, не больше трех футов в самом широком месте. Маленький прыжок — и ты уже на другом берегу.

— Разлом мира, — еще раз пробормотал Хэл. И все же ему нравилось смотреть, как ручей извивается в осыпающемся глиняном русле: сто футов вправо, столько же — влево.

Красный и потный Эван с шумом раздвинул ветви, помотал головой.

— Папа говорил... держаться подальше... от ручья, — запыхавшись, выдал брат.

— Никакой это не ручей. Это Разлом мира, Эван!

Эван даже ухом не повел.

— Кричал же тебе подождать, Хэл! А ты бежишь и бежишь!

— Прости, — неискренне произнес Хэл. Угрызений совести он не испытывал, просто не было желания спорить. С тех пор как они переехали, первый раз ему здесь что-то понравилось. Не Мурабул, нет: захолустный городишко, ничего интересного, — а вот это место — первое, где не сойдешь с ума от скуки.

Хэл перевел взгляд на другой берег Разлома, всмотрелся в загадочную даль.

— Ну и чего мы ждем? Чтобы я перевел тебя под ручку?

Он прыгнул на камень, торчавший посреди ручья, и перескочил на каменистый берег.

— Эй, погоди! Папа говорил... Хэл!

Эван все еще топтался на цыпочках, увязая в грязи, а Хэл уже вскарабкался вверх по берегу на другой стороне. Он стоял на небольшом пригорке, напряженно всматриваясь вниз. Эван с трудом взобрался по склону, встал

рядом и тихо охнул. Братья не могли оторвать взгляд от странного желтоватого дома, переделанного из автомобиля.

Пустая кабина грузовика была приставлена к дряхлому прицепу. Жилище напоминало диковинную гусеницу, голова и хвост которой принадлежали разным особям. Крышка капота валялась на земле. Части двигателя, покрытые пятнами ржавчины, были разбросаны вокруг, точно игрушки сумасшедшего механика. Вместо колес кто-то поставил три деревянных чурбака, на которых и покоилась машина-призрак. Рядом стояла покосившаяся будка, ее крыша догнивала в траве.

На когда-то желто-коричневом прицепе красовалась выцветшая вывеска: «Придорожный дворец». Овальные окна где-то треснули, где-то были выбиты, и осколки стекла сверкали точно кривые зубы. Изнутри все еще висели ключья занавесок.

— Ого... — прошептал Эван.

— Надо заглянуть внутрь, — выдохнул Хэл. Ему казалось, что стоит только отвести взгляд от дома, и тот исчезнет.

Эван вдруг сорвался с места и подбежал к ржавой бочке на 44 галлона, вертикально стоявшей на твердой глинистой почве.

— Давай спустим ее с холма!

Он схватился было за металлический край, но тут же взвизгнул:

— Хэл! Она мертвая!

— Что? — Хэл обернулся к брату.

— Она... Хэл, тут дохлая собака! Смотри!

Хэл отодвинул брата в сторону и заглянул внутрь бочки. На дне действительно лежала мертвая собака. Кобель, судя по яичкам, зажатым между поджарыми коричневыми ляжками. Лапы животного были выкручены, словно его с чудовищной силой пытались засунуть

в бочку головой вниз, заталкивали внутрь, будто узел с тряпьем. Хэл наклонился и тут же отпрянул, почувствовав какой-то запах. Наклонился снова, втягивая воздух. Ему был знаком запах мертвых животных, но чтобы так близко да еще в такое пекло...

— Фу, как воняет! — сморщился Эван.

— Ну уж и воняет...

Кроме слабого душка мочи тянуло еще чем-то ржавым и сладковатым: наверное, кровью, — но в основном пахло мокрой собачьей шерстью.

— Еще свежий...

На дне бочки, рядом с головой пса, собралась лужица крови. И тут до Хэла дошло.

— О господи! — Он содрогнулся.

— Что такое?

— Это тот самый пес, который выл. Точно он.

— Наверное, случайно туда попал и не смог вылезти, — предположил Эван.

— Не-а. Кто-то его сюда впихнул, только он уже тогда был мертвым. Господи Иисусе! Давай вытащим его.

Они опрокинули бочку на бок, и задняя часть пса выскользнула наружу. Хэл схватил животное за лапы и вытянул на траву.

— Видишь? Даже не окоченел еще. Значит, недавно умер. Может, час назад.

Они положили труп рядом с бочкой. Коричневая шерсть еще отдавала тепло.

— Гляди, сколько крови! — вздрогнул Эван.

Раны на голове собаки были покрыты уже подсохшей корочкой. Очевидно, пса били чем-то тяжелым. Под запекшейся кровью на собачьей морде блеснул крюк, продетый сквозь щеку. Хэл боялся представить, что здесь произошло, — сразу начинало тошнить.

— Не смотри сюда! — Он попытался отпихнуть брата в сторону.

— Хочу — и смотрю! — Эван стяхнул с плеча руку Хэла и устался на труп.

Кто мог сотворить такое с несчастной собакой? Не просто собакой — крутой немецкой овчаркой. Конечно, это был мужчина; Хэл не мог себе представить, что женщина способна на такую жестокость. Нужно что-то сделать.

— Помоги мне похоронить его.

— Ладно. — Хоть раз в жизни Эван не спорил.

Они дотащили пса до ближайшего дерева, положили у ствола. Хэл собирался выкопать ямку, но земля была твердой как камень, а лопаты у них не было. Братья натаскали мелких веток, прутьиков, листьев и засыпали собаку, закутав ее в своеобразный кокон.

— Прочитаешь молитву?

— Я не буду. Читай, если хочешь.

Эван кивнул, прикрыл глаза и сложил руки у груди. Хэл тоже склонил голову — так, на всякий случай.

— Мы не знали тебя, но ты был хорошим псом. Кто-то сотворил с тобой ужасные вещи, но Иисус ждет тебя на небесах, и ангелы ждут, и разные другие собаки...

— Побойся Бога, Эван! У собак нет души, — проворчал Хэл.

— Еще как есть! — возразил тот и продолжил молитву.

Хэлу уже невольно было слушать брата: даже не потому, что он сам не верил в Бога, — просто не мог отделаться от ощущения, что за ними кто-то наблюдает и потихоньку глумится над устроенной церемонией. А в Бога он и в самом деле больше не верил, ведь тот не отозвался ни на одну из его молитв. А уж как Хэл молился, чтобы Бог не дал им уехать из Сиднея...

Эван продолжал с чувством молиться, а Хэл тем временем шарил глазами по рощице, холму и оврагу, на-

пряженно прислушивался — не раздастся ли где звук шагов. Цикады вдруг замолкли, и за деревьями что-то хрустнуло. Скрипнуло окно прицепа. По рукам Хэла пробежали мурашки, хотя он по-прежнему никого не видел.

Он вытащил часы. Пять минут двенадцатого? Черт, не может быть! Часы опять остановились. Хэл прищурился, глянул на пылающее солнце. Оно зависло прямо над головой.

— Половина двенадцатого. Бежим домой! — толкнул он Эвана.

— Ибо Твое есть Царство, и сила, и...

— Папа нас убьет, Эван!

— Не убьет... Во веки веков. Аминь.

— Папенькин сынок, — шипел Хэл, оттаскивая брата от импровизированного могильного холма, под которым лежал труп собаки. Не похоронили, так хотя бы спрятали, укрыли тело от недобрых глаз.

Хлопнула летняя дверь с сеткой. Мик Гудноу поскреб седеющую щетину, подхватил три жестяные миски и приготовился выйти из дома, где его ждало ослепительное солнце и бурные приветствия собак. Он глянул на полуденное небо и шагнул за порог, придерживая миски мощной рукой. Мик направился к проволочному вольеру в углу двора; сухая трава и крапива захрустели под подошвами его форменных ботинок. Две немецкие овчарки прыгали у калитки, шумно прося кенгурятины.

— Кэти, Вилли! Сидеть!

Овчарки уселись в ожидании еды, свесили языки, наблюдая за хозяином, — не собаки, а воплощенная воспитанность. Про третью — Чарли — такого не скажешь.

— А где у нас Чарли? — Молодой пес еще не вышел из конуры. Не среагировать на еду? Наверное, играет, прячется. Мик свистнул. — Чарли? А ну-ка выходи, беги кушать!

Мик поставил миски, открыл калитку и тут же попал в объятия. Собачьи слюни потекли по его форме.

— Чарли! Выходи!

Чарли ему принесла женщина, жившая недалеко от пруда. Она появилась в полицейском участке в тот же день, как Мик переехал в Мурабул. На руках у женщины крутился крупный щенок.

— Слыхала, вы любите овчарок, констебль Гудинаф? *«Гудинаф»... Именно так и прочел бы его фамилию незнакомый человек.*

— Произносится «Гуд-ноу», совсем как «ноу-гуд» — «никчемный человечиска», только наоборот, — поправил Мик, сопротивляясь желанию выхватить у хозяйки веселое существо. Женщина явно пришла с твердым намерением пристроить собаку.

— Возьмите Чарли, иначе его выбросят на улицу, сегодня же выбросят. Смирный щеночек — вы и не заметите, что он у вас поселился.

— Да у меня уже двое!

— Что двух держать, что трех — какая разница? — Она сунула щенка Мику в руки и тут же испарилась.

Прошло полгода. Чарли был исключительно беспокойным: две другие овчарки Мика, вместе взятые, ему в подметки не годились. Собака оказалась помесью немецкой овчарки, вот только с кем скрестили его мать — благодетельница сказать не могла. Пес отказывался подчиняться приказам, воспитанию не поддавался. Чарли любил погулять, дома появлялся когда приспичит, но чертов пес был таким симпатягой, что рука не поднялась бы его выгнать.

— Чарли, Чарли! Беги сюда! Беги быстренько!